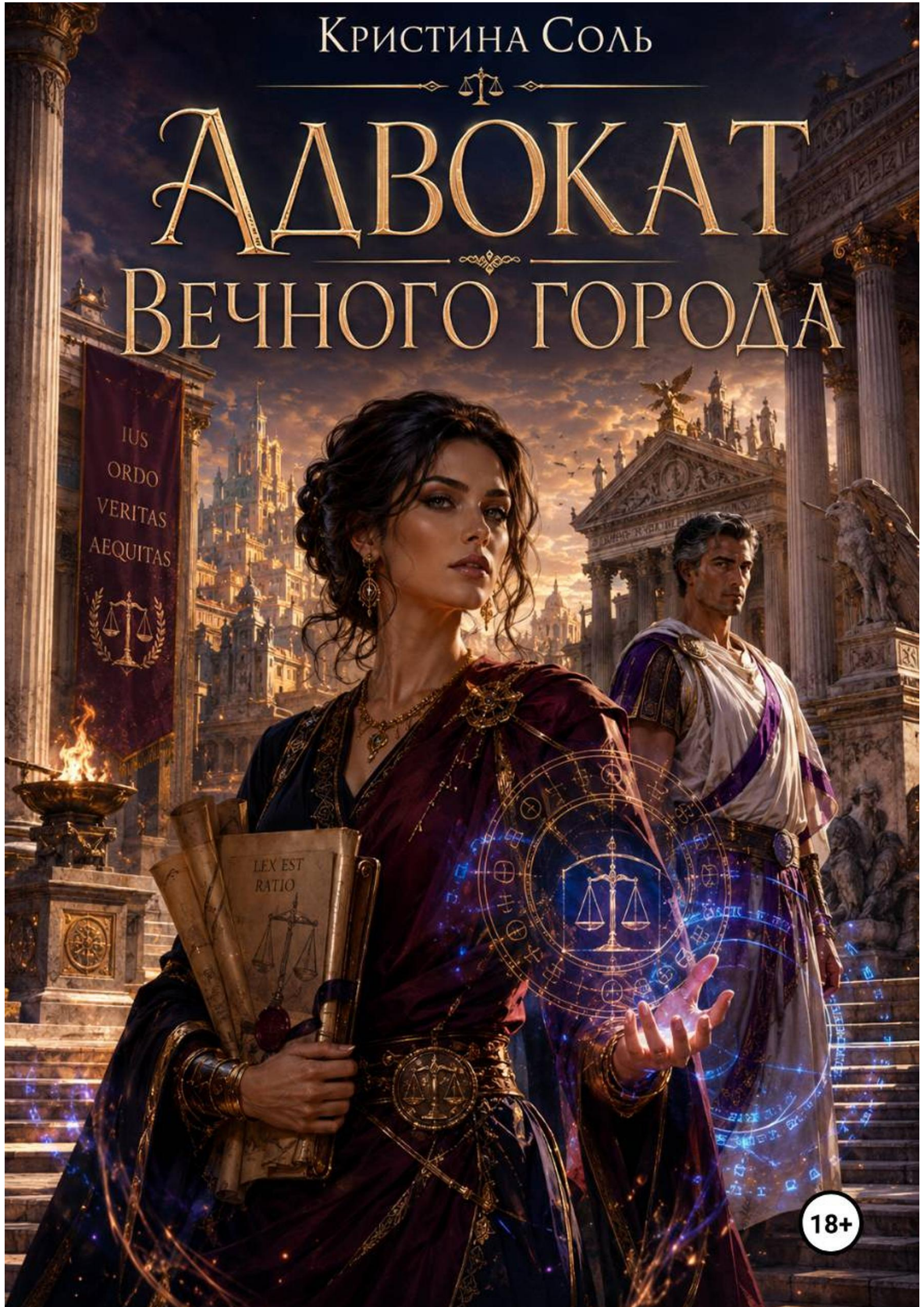

КРИСТИНА СОЛЬ

АДВОКАТ ВЕЧНОГО ГОРОДА

18+

Кристина Соль

Адвокат Вечного города

«Автор»

2026

Соль К.

Адвокат Вечного города / К. Соль — «Автор», 2026

Я умерла в пятницу вечером. Обычно в это время я спасаюсь от рабочей недели горячим шоколадом и дурацкими сериалами. Очнулась в наручниках у дверей суда, с телом убитого сенатора за спиной и толпой, требующей моей казни. Теперь я Валерия — вольноотпущенница и единственный в Вечном городе маг-адвокат без патрицианской лицензии. И главная подозреваемая в убийстве. Вечный город — магический Рим, где закон сильнее магии, а претор Дакс способен услышать любую ложь. Он уже понял, что я не та, за кого себя выдаю. Осталось выяснить — кто я на самом деле. Мне предстоит оправдать саму себя, найти настоящего убийцу и бросить вызов патрицианскому консорциуму, который готов уничтожить любого, кто приблизится к правде.

Содержание

Глава 1. Подсудимая	5
Глава 2. Претор	11
Глава 3. Фабия	17
Глава 4. Марк	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Кристина Соль

Адвокат Вечного города

Глава 1. Подсудимая

Последнее что я помню из прежней жизни — красный свет фары в боковое стекло и мысль: надо было взять такси.

Профессиональная ошибка. Не первая, но точно последняя.

Юлия Малинина, адвокат, тридцать лет. Умерла в пятницу вечером на Садовом кольце после проигранного процесса, трёх часов пробок и одного слишком самоуверенного решения ехать самой.

Дальше — темнота.

А потом — жара. Запах горячего камня и чего-то смолистого. Шум толпы. И чьи-то руки, которые держат мои запястья, стянутые железом.

Я открыла глаза.

Колонны. Белые, высокие, уходящие вверх. Между ними — небо такого синего цвета, который в Москве бывает разве что в мае, и то ненадолго.

Площадь. Мощёная широкими плоскими камнями. Полная людей — они стояли полукругом, смотрели на меня, и выражения на их лицах мне не понравились.

Я стояла на ступенях большого здания. За спиной — высокие двери из тёмного дерева с бронзовыми накладками. Рядом — двое в доспехах, один держал мои скованные руки. Другой смотрел на толпу с видом человека привыкшего к подобным сценам.

На мне было что-то длинное и белое. Туника, сказала что-то в голове — слово пришло само, как чужое, не моё.

Толпа шумела. Я разбирала слова — на каком-то языке, который не знала и одновременно понимала, что само по себе было странно.

— Виновна! — кричал кто-то.

— Отдайте её суду!

— Убийца!

Я огляделась методично — так, как осматриваешь зал суда перед процессом. Оценить обстановку, найти точки опоры, понять расстановку сил.

Площадь. Толпа. Двое стражников. Большое здание за спиной — судя по виду, что-то официальное, власть. Надпись над дверями на латыни: *Praetorium Iustitiae*.

Претория правосудия.

Суд.

Меня привели в суд. В наручниках. Под крики толпы.

В другой ситуации я бы сказала что это обычный понедельник. Но сейчас я стояла в чужом теле, в незнакомом городе, и пыталась понять что именно случилось, до того как меня введут в здание и начнут официально обвинять в том о чём я понятия не имею.

— Валерия, — сказал стражник рядом. Не мне — своему напарнику. — Претор ждёт.

Значит, меня зовут Валерия.

Значит, претор ждёт.

Значит, у меня нет времени.

Двери открылись.

Внутри было прохладнее — толстые стены держали жару снаружи. Высокий потолок с росписью: весы, меч, фигуры в тогах. Пол мраморный, белый с серым. В конце длинного зала — возвышение, и на нём кресло, и в кресле — человек.

Он смотрел на меня.

Лет тридцати пяти. Тёмные волосы, коротко стриженные. Тога белая с полосой тёмно-красного — я знала это, снова из той чужой памяти, что жила где-то на периферии моего сознания: пурпур претора. Лицо правильное, закрытое. Не холодное — закрытое. Разница есть: холодный человек тебя не замечает. Этот замечал всё.

Зал был почти пустым — несколько писцов у стен, двое военных у дверей, один пожилой мужчина в тоге слева от возвышения с видом человека которому скучно и который ждёт когда это закончится.

Меня подвели к центру зала и остановили.

— Валерия, вольноотпущенница, лицензированный маг-адвокат, — произнёс один из стражников. — Задержана на месте преступления в ночь смерти сенатора Публия Корнелия.

Претор смотрел на меня. Молчал.

Я смотрела на него. Тоже молчала — потому что в этой ситуации молчание лучше, чем любое слово, которое может быть использовано против меня. Базовое правило, которое знает любой адвокат.

— Что вы скажете? — произнёс он наконец.

Голос ровный. Без интонации вверх или вниз. Вопрос как инструмент — не для разговора, для оценки реакции.

Я знаю этот приём. Я сама его использую.

— Я скажу, — ответила я, — что мне нужен адвокат. И список предъявленных обвинений в письменном виде. И время для подготовки.

Тишина.

Пожилой мужчина слева перестал скучать и посмотрел на меня. Писцы оторвались от своих таблиц. Стражники переглянулись.

Претор не изменился в лице — но что-то в нём сдвинулось. Едва заметно. Он чуть наклонил голову.

— Вы сами адвокат, — произнёс он.

— Именно поэтому я знаю, что без этих трёх вещей разговор не имеет смысла.

— Вас задержали на месте преступления.

— Это не равно виновности. Это равно обстоятельству, которое требует объяснения. — Я смотрела на него ровно. — Предъявите обвинение официально, дайте мне ознакомиться с материалами дела, и тогда мы сможем говорить по существу. До этого — нет.

Пожилой мужчина слева издал тихий звук. Не возмущение — что-то другое. Удивление, пожалуй.

Претор смотрел на меня.

— Вы понимаете в каком положении находитесь, — произнёс он медленно, — и всё равно предъявляете условия.

— Я понимаю в каком положении нахожусь, — согласилась я. — Именно поэтому и предъявляю. Уступить сейчас — значит уступить потом, когда ставки выше.

Молчание.

Претор встал. Он был высоким — я это заметила когда он поднялся с кресла и прошёл к краю возвышения. Остановился там, смотрел на меня сверху вниз, и в этом взгляде было что-то, что я не сразу смогла определить.

— Три дня, — сказал он наконец. — Под залог. Магический запрет на выезд из города.

— Мне нужен доступ к материалам.

— Получите. — Пауза. — Завтра утром.

Пожилой мужчина слева встал, открыл рот, снова закрыл и сел.

Претор обернулся к стражникам:

— Снимите оковы. Запрет выезда — стандартный, третьего уровня.

Один стражник присел рядом со мной, что-то коротко произнёс — и железо на запястьях стало тёплым, потом мягким, потом его не стало. Магия. Значит, магия здесь работает именно так — через слово и намерение.

Я потёрла запястья.

— Валерия.

Я подняла взгляд. Претор смотрел на меня с возвышения.

— Завтра утром. Девятый час. — Пауза. — Не опаздывайте.

Снаружи площадь поредела — толпа расходилась, поняв что немедленного зрелища не будет. Несколько человек ещё стояли у колонн, смотрели. Я прошла мимо них с видом человека у которого всё под контролем — потому что именно так и нужно идти, даже когда контроля нет никакого.

— Валерия.

Я остановилась.

У подножия лестницы стоял молодой человек — лет двадцати, невысокий, в простой тунике. Тёмные глаза, встревоженные. Он смотрел на меня так, как смотрят на человека которого едва не потеряли.

— Луций? — сказала я наугад — имя всплыло из чужой памяти.

Он выдохнул.

— Боги. Я думал... — Он запнулся. — Говорили что вас заберут прямо из суда. Что претор не отпустит.

— Претор дал три дня, — сказала я. — Веди меня домой.

Луций смотрел на меня — секунду, другую.

— Валерия, вы... вы говорите иначе.

— Голова болит, — сказала я.

Это была неправда. Голова не болела. Но объяснять правду я пока не собиралась — ни ему, ни кому-либо ещё.

— Идём, — сказал Луций. — Быстро. Здесь не стоит задерживаться.

Дом Валерии оказался в квартале от суда — узкие улицы, высокие стены, запах готовящейся еды и горячего камня. Город был живым, шумным, плотным — люди, повозки, торговцы. Совсем не таким как я представляла Рим по учебникам. Настоящим.

Я шла и смотрела. Профессиональная привычка: войти в незнакомое место и за три минуты составить карту. Где выходы, где опасность, где можно укрыться.

Два квартала на восток — площадь с фонтаном. Рынок. На север — военный патруль, двое, спокойные. На юг — переулок, тёмный даже сейчас, днём.

Луций открыл небольшую дверь в стене — деревянную, потемневшую от времени. За ней оказался внутренний дворик: несколько горшков с зеленью, стол, два стула, колодец в углу. Простое жилище, небогатое но чистое.

В доме — одна большая комната. Полки с свитками и деревянными табличками. Стол с письменными принадлежностями. Узкая кровать у стены. На полу — ящик с документами, часть высыпалась.

Следы обыска.

Я оглядела комнату. Потом опустилась на колени и начала собирать рассыпанные документы.

— Валерия, — сказал Луций из дверей. — Что... что произошло? Вы были у сенатора Публия вечером?

— Была, — сказала я. Чужая память давала обрывки — визит, разговор, потом темнота. Больше ничего.

— Зачем?

— Дело. — Я изучала свиток который держала в руках — плотный текст, латинские сокращения. Контракт какой-то. — Луций, мне нужно знать всё что произошло. С самого начала. Ты был здесь вечером?

— Нет. Вы отпустили меня раньше. Сказали что пойдёте к сенатору сами.

— И когда меня нашли?

— Ночью. Стража. Вы лежали без сознания в его кабинете, сенатор был мёртв. — Луций сглотнул. — Говорят, магия. Говорят, ваша.

Я убрала свиток обратно в ящик.

Итак: я — Валерия, маг-адвокат, вольноотпущенница. Нашли без сознания рядом с мёртвым сенатором. Кто-то убил его — предположительно магией — и подставил меня. Зачем? Это вопрос на который нужен ответ.

— Валерия была у него по делу, — сказала я. — Какому?

— Не знаю. Вы не говорили. — Луций помолчал. — Но три дня назад вы нашли что-то в архиве суда. Вернулись взволнованная. Я спросил — вы сказали что пока не время.

Архив суда. Что-то нашла. Пришла к сенатору. Умерла — то есть Валерия умерла, а я оказалась в её теле.

— Луций. — Я встала. — Где хранятся рабочие записи?

Он показал на полку у окна. Я подошла, начала просматривать таблички — восковые, с записями. Почерк быстрый, сокращённый. Дата, имя, пометка.

Три дня назад — дата, имя «П.К.» и одно слово: *прецедент*.

П.К. — Публий Корнелий. Убитый сенатор.

— Что знаешь о прецеденте который создала Валерия три года назад? — спросила я. — О праве на лицензию.

Луций изменился в лице.

— Все знают. Это... это был скандал. Она подала в суд на Коллегию магов — сказала что закон не запрещает вольноотпущенникам получать лицензию, просто Коллегия отказывает по традиции. И она выиграла.

— Кто вёл то дело? Кто был претором?

— Дакс, — сказал Луций. Тихо, как говорят имена которые внушают уважение. — Марк Аврелий Дакс. Тот же что и сейчас.

Тот же претор. Три года назад дал ей выиграть. Сегодня держит её дело у себя.

Я думала.

— Валерия нашла что-то в архиве, связанное с тем прецедентом, — сказала я. — Что-то что встревожило её настолько, что она пошла к сенатору Публию — которого, очевидно, считала союзником. Вместо этого он оказался мёртв, а она без сознания рядом.

— Вы говорите как...

— Как адвокат. Я и есть адвокат. — Я взяла восковую табличку. — Луций, мне нужен полный список дел которые вела Валерия за последний год. Все контакты. И всё что ты знаешь о людях которые хотели её остановить.

— Таких много, — сказал Луций. — Коллегия магов. Патрицианские кланы. Все кто считает что вольноотпущенники не должны иметь право на магическую практику.

— Конкретнее. Имена.

Луций сел и начал говорить. Я слушала и записывала — на чистую табличку, быстро, сокращениями. Имена, связи, интересы. Кто что теряет если прецедент Валерии устоит. Кто что приобретает если она будет осуждена за убийство.

Это был обычный первый шаг любого дела: найти того, кому выгодно.

За окном город жил своей жизнью. Жара спадала — солнце уходило за крыши. Луций говорил, я писала.

В конце он замолчал.

— Валерия, — произнёс он осторожно. — Вы точно в порядке? Вы... другая.

— Голова, — сказала я.

— Вы уже говорили про голову.

— Она продолжает болеть.

Луций посмотрел на меня долго. Потом кивнул — не убеждённо, но решив пока принять.

— Завтра претор. Девятый час, — сказал он. — Это рано.

— Знаю. — Я убрала табличку. — Луций. Одно последнее: кто такой Гай Марций?

Луций замер.

Я видела — имя попало в точку. Луций знал это имя. И оно ему не нравилось.

— Где вы его слышали? — спросил он тихо.

— В записях Валерии. С пометкой «опасен».

Луций встал. Подошёл к двери, выглянул в дворик — будто проверяя не слышит ли кто.

— Гай Марций — глава консорциума старых патрицианских кланов, — сказал он, вернувшись. Голос тихий. — Если Коллегия магов — это официальная власть над магической практикой, то Марций — неофициальная. Реальная. Три поколения монополии на лицензированную магию. Если прецедент Валерии распространится — их монополия рухнет.

— Значит, он заинтересован в её уничтожении.

— Да.

— Ты думаешь что он за этим стоит.

— Я ничего не думаю, — сказал Луций быстро. — Вслух — не думаю. — Он посмотрел на меня. — Это опасный человек, Валерия.

— Я слышала, — сказала я.

Я убрала табличку в ящик. Встала, потянулась — тело Валерии было молодым и здоровым, это отметила. Подошла к окну.

Город за окном темнел — зажигали огни, слышались голоса, где-то смеялись. Живой город. Незнакомый, чужой, опасный.

Юлия Малинина, адвокат, тридцать лет. Умерла в пятницу вечером. Очнулась в теле подозреваемой в убийстве. Завтра утром — претор, у которого магический детектор лжи. Послезавтра — дело против неизвестного могущественного человека.

В другой ситуации я бы сказала что это уже слишком.

Но у меня никогда не было выбора — выходить из сложных дел или нет. Я только выбирала как.

— Луций, — сказала я. — Мне нужен доступ к архиву суда. Завтра, до встречи с претором.

— Архив открывается в седьмой час.

— Значит, я там в седьмой час.

Луций смотрел на меня — с тем выражением, которое я уже начинала узнавать: смесь тревоги и чего-то похожего на облегчение. Как будто он ожидал худшего.

— Хорошо, — сказал он.

Потом поправил себя:

— Договорились.

Ночью я не спала.

Лежала на узкой кровати Валерии, смотрела в тёмный потолок и думала.

Дела я вела разные. Убийства, мошенничество, организованная преступность. Были клиенты виновные, были невиновные — чаще первые, честно говоря. Но принцип один: сначала понять что произошло, потом строить защиту.

Что произошло здесь?

Валерия нашла что-то в архиве. Пришла к сенатору — очевидно за помощью или за подтверждением. Сенатор убит. Она без сознания рядом.

Версия обвинения: она убила его. Мотив — неизвестен, но адвокат-вольноотпущенница у мёртвого патриция это само по себе аргумент в нужных руках.

Моя версия: её подставили. Вопрос — кто и зачем.

Ответ на «зачем» у меня уже был: прецедент. Если Валерию осудят за убийство — прецедент о праве на лицензию будет скомпрометирован. Создала его преступница. Красивая логика.

Значит, за этим стоит тот кому прецедент невыгоден. Марций — первый кандидат.

Но это пока версия, не факт. Факты завтра — в архиве.

Я повернулась на бок.

Претор Дакс слышит ложь.

Это проблема. Большая. Потому что я лгу о главном — о том кто я. Не о деле, о себе. И он это почувствовал — я видела по тому как он смотрел. Не как на преступника. Как на загадку.

Загадки опасны. Загадки привлекают внимание.

С другой стороны — он дал три дня. Снял оковы. Дал доступ к материалам. Это не поведение человека который уже решил исход дела.

Либо он честный претор. Либо играет в другую игру.

Завтра пойму.

Город за окном затихал. Где-то далеко звенел колокол — отсчитывал часы. Жара спала, в окно тянуло прохладой.

Юлия Малинина, адвокат.

Первое правило защиты: никогда не давать противнику сформулировать обвинение раньше тебя. Взять инициативу. Определить поле игры.

Завтра я это сделаю.

Конец первой главы

Глава 2. Претор

Архив суда открывался в седьмой час, но архивариус — маленький лысый человек с чернильными пятнами на пальцах — пришёл в шестой и застал меня у дверей.

Он долго смотрел на меня. Потом на Луция, который стоял за моим плечом с видом человека не уверенного в правомерности происходящего.

— Валерия, — произнёс архивариус наконец.

— Мне нужен доступ к делам за последние пять лет, — сказала я. — Всё что касается магических лицензий и дел о лишении оных.

— Вы обвиняемая.

— Пока — подозреваемая. Под залогом. С правом на ознакомление с материалами — претор подтвердил вчера. Если хотите, могу принести письменное подтверждение, но это займёт время которого у меня нет.

Архивариус смотрел на меня ещё секунду. Потом вздохнул и открыл дверь.

— Два часа, — сказал он. — До начала официального времени.

— Достаточно.

Архив был именно таким, каким я ожидала: стеллажи от пола до потолка, запах старого папируса и воска, пыль в полосах утреннего света. Свитки и таблички — тысячи, аккуратно пронумерованные.

Луций знал систему. Я давала ему названия разделов, он находил нужные стеллажи — быстро, молча, без лишних вопросов. За ночь я решила: Луцию можно доверять в части навыков, пока не доверять в части информации.

Я работала методично.

Дела о магических лицензиях — за пять лет. Я искала паттерн. Не одно дело — систему. Кто подавал, кому отказывали, при каких обстоятельствах. Кто из отказавших потом оказывался в суде по другим поводам. Кто умирал.

Через сорок минут у меня было следующее.

За пять лет — одиннадцать дел о выдаче лицензий магам-плебеям. Десять отказов. Одно удовлетворение — дело Валерии, три года назад. Из тех десяти которым отказали — трое впоследствии привлекались по уголовным статьям. Все трое осуждены. Двое умерли в заключении.

Это уже не совпадение. Это система.

— Луций, — сказала я тихо. — Эти трое. Посмотри на даты их уголовных дел и даты когда они подавали на лицензию.

Луций наклонился над табличками.

— Промежуток... — Он считал. — Три-четыре месяца. У всех троих.

— Значит, между отказом в лицензии и уголовным делом — три-четыре месяца. — Я смотрела на записи. — Этого достаточно чтобы найти или организовать повод.

— Вы думаете что их подставили.

— Я думаю что у нас есть достаточно оснований для такой версии.

Луций молчал.

— Валерия, — произнёс он осторожно. — Если это так... если кто-то системно устраняет конкурентов Коллегии магов...

— То мы знаем кто стоит за смертью сенатора Публия, — закончила я. — Да. Именно поэтому мне нужно ещё кое-что.

Я взяла другой свиток. Дело Валерии — три года назад. Претор Дакс. Я читала быстро, выхватывая суть.

Валерия подала иск против Коллегии магов. Аргументы: закон не запрещает выдачу лицензий вольноотпущенникам — только ограничивает. Ограничение введено решением Коллегии, а не законом Сената. Коллегия превысила полномочия.

Претор Дакс выслушал обе стороны. Принял решение: иск удовлетворить, лицензию выдать. Мотивировка — три абзаца сухого юридического текста, безупречного.

Я перечитала мотивировку дважды.

Дакс не просто дал ей выиграть. Он написал решение так, что его невозможно оспорить. Каждый аргумент закрыт. Каждая лазейка перекрыта. Это не просто правосудие — это работа человека который понимал что делает прецедент. Навсегда.

За это от него отвернулся клан.

Интересно.

— Луций. — Я убрала свиток. — Дакс. Что о нём говорят?

— Честный, — сказал Луций. — Это все говорят. Даже те кто его не любит. — Пауза. — Его не любят многие.

— За прецедент?

— И за него тоже. Он вообще не из тех кто ищет расположения.

Я убрала последние таблички на место.

— Время, — сказал архивариус от двери. Он пришёл, видимо, чтобы убедиться что я не унесла ничего лишнего.

— Уже иду.

До претория было минут десять пешком. Город утром оказался другим — шумным, деловым, пахнущим хлебом из ближайших лавок. Луций шёл рядом и молчал. Он умел молчать правильно — не давяще, просто рядом.

— Луций, — сказала я. — Валерия. Она была хорошим адвокатом?

Пауза.

— Очень хорошим, — сказал он. — Она выигрывала дела которые никто не брался вести. — Ещё пауза. — Но она никогда не работала так как вы работаете.

— Как я работаю?

— Как будто... как будто видите конструкцию снаружи. — Он подбирал слова. — Она работала изнутри. Знала людей, знала традиции, находила слабое место в конкретном человеке. Вы ищите слабое место в системе.

— Это потому что я из другого места, — сказала я.

Луций не ответил. Принял — как принимал всё остальное за эти сутки.

Претория стояла в центре площади — та же белая колоннада что вчера, но сейчас при утреннем свете выглядела иначе. Серьезнее. Я смотрела на неё и думала: это здание сделано чтобы давить. Чтобы человек который в него входит понимал — здесь власть, а он нет.

Стандартный приём. Я его знаю.

— Жди снаружи, — сказала я Луцию.

— Валерия—

— Снаружи. Если не выйду через два часа — иди к архивариусу и попроси записать что ты туда приходил. На всякий случай.

Луций смотрел на меня.

— На всякий случай чего?

— На всякий случай всего, — сказала я.

Внутри претория меня встретил молодой помощник в аккуратной тоге — записал имя, проверил что-то на табличке, провёл через боковой коридор.

Не в большой зал — в другой. Меньший, рабочий. Стол, несколько стульев, окно с видом на внутренний дворик где рос одинокий кипарис. На столе — свитки, таблички, писчие принадлежности.

Дакс стоял у окна.

Он обернулся когда я вошла. Осмотрел — быстро, как смотрит человек который привык составлять мнение сразу.

— Садитесь, — сказал он.

Я села. Помощник вышел и закрыл дверь.

— Материалы вам передали? — спросил Дакс.

— Нет. Я уже была в архиве.

— Архив открывается в седьмой час.

— Архивариус открыл в шестой.

Дакс смотрел на меня.

— Как вы его убедили?

— Сказала что у меня есть подтверждение от претора и что за письменным подтверждением отправлюсь позже, если понадобится.

— У вас не было письменного подтверждения.

— Нет. Но оно ведь есть?

Дакс помолчал.

— Есть, — сказал он. — Я его оформлю сейчас.

Он взял табличку, написал что-то быстро. Я наблюдала за его руками — уверенные движения человека который пишет много и давно.

— Что вы нашли? — спросил он, не поднимая взгляда.

— Паттерн. Одиннадцать дел о лицензиях за пять лет. Десять отказов. Трое из отказавших впоследствии привлекались по уголовным статьям — с промежутком три-четыре месяца после отказа.

Дакс поставил табличку. Посмотрел на меня.

— Вы это за два часа?

— За сорок минут. Остальное время читала ваше решение по делу о лицензии три года назад.

— И?

— И думала почему вы написали именно так.

Молчание.

— Как именно «так»? — произнёс он.

— Так, что решение невозможно оспорить. Каждая лазейка закрыта заранее. — Я смотрела на него. — Вы понимали что создаёте прецедент и написали его как крепость. Это не просто правосудие. Это намерение.

Дакс смотрел на меня долго. Потом подошёл к столу, сел напротив.

— Валерия не говорила со мной так раньше, — произнёс он.

— Я знаю.

— Что с вами произошло?

— Это сложно объяснить.

— Попробуйте.

Я думала секунду. Потом решила — не всё, но достаточно.

— Я помню себя другим человеком, — сказала я. — Из другого места. Там тоже есть суды, адвокаты и обвинения. Просто работает иначе.

Он не изменился в лице. Слушал.

— Там требуют физические доказательства, — продолжала я. — Не только слова и репутацию. Вещи, следы, записи. И есть правило: никто не может быть осуждён если вина не доказана вне разумных сомнений. Не «вероятно виновен» — именно доказана.

— Вне разумных сомнений, — повторил он. Так же как повторял незнакомые слова на суде — пробуя на вес.

— Да.

— И вы применяете эти правила здесь.

— Пытаюсь.

Дакс взял стиль, покрутил в пальцах. Жест человека который думает.

— Вы лжёте о себе, — сказал он. — Я это слышу. Не о деле — о себе. Кто вы на самом деле?

— Адвокат, — сказала я. — Это правда.

— Не вся.

— Та которую я могу сказать.

Он смотрел на меня — долго, прямо. В этом взгляде было что-то методичное, как в его решении три года назад: ищет слабые места, закрывает лазейки.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Паттерн который вы нашли. Вы намерены использовать его в защите?

— Да. Если кто-то системно устраняет магов-плебеев, пытающихся получить лицензию — убийство сенатора Публия вписывается в эту систему. Он собирался поддержать расширение прав?

— Откуда вы знаете?

— Пока предположение. Подтвердите или опровергните.

Дакс помолчал.

— Подтверждаю, — сказал он. — Публий намеревался внести законопроект в Сенат. Об этом знали немногие.

— Но те кто знал — знали достаточно.

— Да.

Значит, мотив есть. Публий был угрозой монополии — убрали его и заодно попытались убрать Валерию, самый живой символ прецедента. Красиво. Цинично. Системно.

— Дакс, — сказала я. — Гай Марций.

Его лицо не изменилось — но что-то в нём изменилось. Очень мало, почти незаметно. Стиль в пальцах остановился.

— Что о нём?

— Валерия написала его имя в своих записях. С пометкой «опасен». — Я смотрела на него. — Вы его знаете.

— Все его знают.

— Это не ответ на мой вопрос.

Дакс положил стиль.

— Валерия, — произнёс он. — То что вы делаете — это защита или расследование?

— Одно без другого не работает. В моём... в том месте откуда я помню — адвокат защиты обязан найти альтернативную версию событий. Не просто отрицать вину клиента, а предложить другое объяснение. — Я смотрела на него. — Моё объяснение: Публий убит потому что угрожал монополии. Я подставлена потому что я — живое воплощение прецедента, который эту монополию подрывает. За этим стоит человек с ресурсами и мотивом. Марций — первый кандидат.

— Вам нужны доказательства.

— Именно. — Пауза. — У вас есть доступ к тому к чему у меня нет.

— Вы просите меня помочь подозреваемой собрать доказательства, — произнёс он. — Это не входит в функции претора.

— Нет. Но расследование убийства сенатора — входит.

Молчание.

Дакс встал. Прошёл к окну, встал спиной ко мне — смотрел на кипарис во дворике. Я ждала.

— Я изучаю это дело, — сказал он наконец, не оборачиваясь. — С той ночи когда нашли Публия. — Пауза. — Паттерн который вы описали — я тоже его видел. Раньше.

— И?

— И у меня нет достаточно доказательств чтобы действовать официально.

— У нас обоих нет, — сказала я. — Поэтому нам нужно работать.

Он обернулся.

Что-то в его лице при этих словах — не улыбка, но что-то рядом с удивлением. Как будто он не привык к тому, что ему говорят «нам».

— Я не могу официально сотрудничать с подозреваемой.

— Официально — нет. — Я встала. — Но вы можете вести расследование убийства сенатора. А я могу строить защиту. Если мы случайно движемся в одном направлении — это совпадение.

Дакс смотрел на меня.

— Вы юрист, — произнёс он.

— Да.

— Это слышно. — Пауза. — Вы только что описали схему которая формально не нарушает ни одного правила.

— Я знаю.

— И при этом полностью нарушает их дух.

— Я знаю и это. — Я взяла со стола письменное подтверждение которое он написал. — Спасибо за доступ к материалам.

— Валерия.

Я остановилась у двери.

— Три дня. — Он говорил ровно. — У вас три дня до предварительного слушания. После этого дело перейдёт в открытый суд и у меня будет меньше возможностей.

— Понимаю.

— Если найдёте что-то существенное — приходите. Официально. С документами.

— Договорились.

— И Валерия.

— Да.

— Вы лжёте о том кто вы. — Он смотрел на меня прямо. — Я слышу это каждый раз когда вы говорите своё имя. — Пауза. — Пока это не влияет на дело. Но если повлияет — я должен буду действовать.

— Я понимаю, — сказала я.

Вышла.

Луций ждал у колонны — в тени, с видом человека который приготовился ждать долго.

— Как? — спросил он.

— Нормально.

— «Нормально» это хорошо или плохо?

Я думала секунду.

— Это рабочий вариант, — сказала я. — Лучшее что можно было получить.

Мы пошли по улице. Город уже полностью проснулся — шум, торговцы, повозки. Жара нарастала.

— Луций. Фабия — вдова сенатора Публия. Где она сейчас?

— В доме Публия, предположительно. В трауре.

— Она знала о его законопроекте?

— Жена сенатора? — Луций пожал плечами. — Скорее всего. Они говорят о таких вещах.

— Мне нужно с ней встретиться.

Луций остановился.

— Валерия. Вы подозреваемая в убийстве её мужа. Она вас не примет.

— Примет если решит что это в её интересах. — Я шла дальше. — Найди способ передать ей что я хочу говорить. Не об убийстве — о человеке который за этим стоит.

— О Марции?

— Не называй имя. Просто — о человеке.

Луций нагнал меня.

— Вы думаете что она знает.

— Я думаю что вдова умного сенатора — умная женщина. — Я смотрела на улицу впереди. — А умные женщины замечают больше чем им положено. Особенно когда их мужей убивают.

Луций молчал несколько шагов.

— Я попробую, — сказал он.

— Хорошо.

— И ещё, — добавил он. — Валерия. Претор Дакс. Как он говорил с вами?

— Как с коллегой, — сказала я.

Луций подумал об этом.

— Он никогда не говорил с ней так, — произнёс он тихо. — С настоящей Валерией.

— Знаю.

— Вы другая.

— Да.

— Лучше или хуже?

Я думала.

— Другая, — повторила я. — Это единственная честная формулировка.

Луций принял это — как принимал всё остальное. Без лишних вопросов. За это я была ему благодарна.

Впереди была ещё целая улица, потом ещё квартал, потом маленький дворик с горшками зелени и ящиком дел которые нужно было разобрать. И три дня. И один претор который слышал каждую мою ложь и пока решил с этим подождать.

В другой ситуации я бы сказала что расклад неплохой.

Здесь я скажу то же самое.

Конец второй главы

Глава 3. Фабия

Вдова сенатора принимала нас в саду.

Сад был небольшим — несколько деревьев, фонтан, мраморные скамьи. Дом стоял за высокой стеной в хорошем квартале. Слуга провёл нас без лишних слов — значит, Луций передал сообщение правильно и Фабия решила что разговор стоит её времени.

Она сидела у фонтана. Лет сорока, в тёмной тоге траура — но траур не делал её незаметной. Прямая спина, спокойные руки, взгляд который оценивал нас ещё до того как мы подошли.

Умная женщина. Это было видно.

— Валерия, — произнесла она. Не «добро пожаловать» — просто имя, как инструмент.

— Фабия. Спасибо что приняли.

— Вы сказали что знаете человека который убил моего мужа. — Она смотрела на меня прямо. — Это или правда или хорошая ложь. Обе меня интересуют.

— Правда, — сказала я. — Точнее — знаю кто стоит за этим. Имя могу назвать, но сначала хочу понять что вы уже знаете.

Фабия указала на скамью напротив.

— Садитесь. Мальчик пусть подождёт у ворот.

Луций посмотрел на меня. Я кивнула.

Он ушёл. Мы остались вдвоём у фонтана — два адвоката, один из которых мёртв, и вдова умного человека.

— Публий знал что его убьют? — спросила я.

— Не знал точно. Подозревал что давление усилится. — Фабия смотрела на воду. — Он внёс бы законопроект через месяц. О расширении права на магическую практику для вольноотпущенников.

— Ваш прецедент, — сказала Фабия, взглянув на меня. — Он хотел сделать его системой, а не единичным случаем.

— За это его убили.

— За это. — Она помолчала. — И вас хотели убрать одновременно. Двух птиц одним камнем. Вы — лицо прецедента. Без вас он становится просто записью в архиве, а не живым примером.

Это подтверждало мою версию. Хорошо.

— Фабия. Луций передал что я хочу говорить о человеке который за этим стоит. Вы уже знаете имя.

Она не ответила сразу. Смотрела на фонтан.

— Гай Марций, — произнесла она наконец. Тихо, как говорят имена в пустом доме ночью.

— Да.

— Вы можете это доказать?

— Пока нет. Именно поэтому я здесь.

Фабия повернулась ко мне.

— Что вам нужно?

— Всё что знаете. Всё что Публий говорил о Марции. Все встречи, письма, разговоры. Любая деталь которая кажется незначительной может оказаться ключевой.

— Публий не разговаривал о Марции дома. — Её голос был ровным, но в нём было что-то под поверхностью. — Говорил что стены слышат. Я смеялась.

— Переставали смеяться?

— Когда третий его союзник в Сенате в течение года нашёл повод переметнуться на другую сторону. — Она смотрела на меня. — У каждого вдруг оказывалось прошлое. Долг. Обязательство. Или просто страх.

— Марций давил через компромат.

— Через возможности, — поправила она. — Он не угрожает прямо. Он создаёт ситуации. Предлагает варианты. Люди выбирают сами. — Пауза. — Это делает его почти неуязвимым.

— Почти. — Я смотрела на неё. — Фабия, вы сказали что хотите поговорить либо с тем кто знает правду, либо с тем кто хорошо лжёт. Значит, вы рассматривали оба варианта. Зачем вам нужна хорошая ложь?

Она помолчала.

— У меня есть человек, — произнесла она наконец. — Которого обвиняют в причастности к смерти Публия. Несправедливо. Он не виновен.

— Ваш любовник.

Фабия не изменилась в лице. Только в руках что-то сдвинулось — чуть.

— Марк, — сказала она. — Да. Марций знает о нём. Использует это как рычаг — если я буду говорить лишнее, Марк окажется виновным. Официально. — Она смотрела на меня. — Мне нужен адвокат. Хороший. Не тот кто боится.

— Вы хотите чтобы я защищала его.

— Да.

Я думала.

Дело внутри дела. Я — подозреваемая, защищаю себя. И одновременно берусь за чужой процесс. Это безумие с процессуальной точки зрения.

С другой стороны — если Марк связан с Марцием как рычаг против Фабии, а Фабия знает что-то о Марции — цепочка замыкается. Через Марка можно выйти на связь с Марцием. Через Фабию получить информацию.

Это не безумие. Это стратегия.

— В обмен на защиту Марка, — сказала я, — вы даёте мне всё что знаете. Публий наверняка собирал что-то на Марция. Документы, свидетели, записи.

— Кое-что есть, — сказала Фабия. — Не много. Публий был осторожен.

— Где хранится?

— В надёжном месте. — Она смотрела на меня. — Договоримся сначала.

— Договорились, — сказала я. — Я возьму дело Марка.

— Вы уверены? Вы сами под обвинением.

— Подозреваемый может вести дела. Пока нет приговора.

Фабия смотрела на меня — долго, оценивающе. Так смотрят на человека которому собираются доверить важное и не уверены стоит ли.

— Валерия, — произнесла она. — Вы изменились после той ночи.

— Все говорят.

— Те кто говорит — не понимают как именно. — Она наклонила голову. — Я понимаю. Публий интересовался вашим случаем три года назад. Он изучал ваше дело о лицензии — прецедент. И он изучал то что произошло с вами тогда.

Я смотрела на неё.

— Что именно произошло со мной тогда?

— Три года назад, — сказала Фабия, — в ночь перед вынесением решения по делу о лицензии — Валерия потеряла сознание. Её нашли дома. Она провела три дня без памяти. Когда очнулась — выиграла дело. — Пауза. — Публий думал что это не совпадение. Что кто-то пытался убрать её ещё тогда. — Ещё пауза. — И что тот кто очнулся — не совсем та же Валерия что потеряла сознание.

Тишина.

Фонтан журчал. Где-то в саду пела птица.

Я сидела и понимала: умер не только сенатор. Умерла Валерия — три года назад. Настоящая. То, что произошло тогда, и то, что произошло со мной в эту ночь — одна система. Меня не случайно занесло в это тело. Кто-то сделал это намеренно.

— Публий знал кто я? — спросила я.

— Он подозревал что произошло что-то необычное. Подробностей не знал. — Фабия смотрела на меня. — Именно поэтому и пришёл к вам в ту ночь. Хотел поговорить. Предупредить.

— О чём?

— О том что Марций знает про три года назад. И что он собирается использовать это. — Она говорила ровно, без лишних эмоций — человек который уже отгоревал и теперь просто передаёт факты. — Публий думал что вы в опасности. Он хотел помочь.

— И его убили прежде чем он успел.

— Да.

Я сидела и думала.

Значит так. Три года назад кто-то сделал с Валерией то же что Марций пытался сделать сейчас — убрал. Но вместо пустого тела получил меня. Случайность или нет — неизвестно. Но Марций знает об этом прецеденте — об исчезновении и возвращении Валерии — и собирается это использовать.

Как именно — вот вопрос.

— Фабия. — Я подняла взгляд. — Марций знает что я не та Валерия. Что именно он знает?

— Что произошло замещение, — сказала она. — Это его слово — замещение. Он не понимает механики, но факт ему известен. — Пауза. — И он считает что это делает ваш прецедент незаконным. Если тот кто выиграл дело о лицензии — не тот человек который подавал иск, то решение можно оспорить.

Вот оно.

Не просто убить её. Дискредитировать прецедент через её личность. Доказать что Валерия которая выиграла — не Валерия которая начинала. Один раз достаточно чтобы разрушить всё.

— Когда он это сделает? — спросила я.

— На слушании по вашему делу, предположительно. Это его козырь.

— Значит у меня три дня чтобы найти контраргумент.

Фабия смотрела на меня.

— Вы спокойны, — сказала она.

— Я работаю.

— Валерия — та, настоящая — тоже была спокойной. Но иначе. — Фабия встала. — Она была спокойна как человек который умеет терпеть. Вы спокойны как человек который решает задачу.

— Это комплимент?

— Это наблюдение.

Она прошла к дому, остановилась у двери.

— Приходите завтра. Я подготовлю то что у меня есть от Публия. И познакомлю вас с Марком.

— Договорились.

— И Валерия.

Я остановилась.

— Три адвоката до вас взяли за дело Марка, — произнесла Фабия. — Всех троих нашли мёртвыми.

— Я знаю.

— Вас это не останавливает.

— Меня это информирует, — сказала я. — Что те трое нашли что-то важное. Иначе незачем было убивать.

Фабия смотрела на меня долгую секунду.

— Приходите завтра, — повторила она. И вошла в дом.

Луций ждал у ворот — молчаливый, как обещал.

Мы пошли по улице. Жара стояла плотная, воздух почти не двигался. Вдоль стен сидели торговцы с навесами, под которыми было чуть прохладнее.

— Как? — спросил Луций.

— Она знает о Марции. Публий собирал на него материал. И ещё. — Я помолчала. — Луций, три года назад. Перед вынесением решения по делу о лицензии. Что произошло с Валерией?

Он замедлил шаг.

— Вы не помните?

— Расскажи.

— Она... потеряла сознание. Накануне. — Он говорил осторожно. — Я нашёл её утром. Она лежала в кабинете — как вчера вы. Три дня без памяти. Потом очнулась — и сказала что хочет идти в суд. Я не пустил. Она настояла.

— И выиграла.

— Да. — Пауза. — Я думал тогда... — Он замолчал.

— Что думал?

— Что она изменилась. — Он смотрел прямо перед собой. — Но я решил что это болезнь. Что так бывает. — Ещё пауза. — Теперь вижу что это было не болезнь.

Я ждала.

— Вы не первая, — произнёс он тихо. — Кто оказался в её теле. Три года назад была другая.

— Да.

— Где она теперь?

Я думала.

— Не знаю, — сказала я честно. — Настоящая Валерия не возвращалась — с той ночи три года назад тело жило с чужим сознанием внутри. Тем же образом, как теперь — с моим.

— Значит, все эти три года... это была не Валерия.

— Судя по всему — нет. Кто-то другая. Такая же, как я. — Я говорила медленно, складывая вслух то что только начинала понимать. — Кто-то снова применил то же что три года назад. Убрал Валерию — а вместо неё попала я. Снова.

— Зачем?

Хороший вопрос.

— Не знаю. Либо случайность — я оказалась рядом в момент смерти. Либо намеренно — кто-то перенёс меня сюда специально.

— Кто мог это сделать?

— Тот кто умеет работать с подобными ритуалами. Маг высокого уровня. — Я остановилась у перекрёстка. — Луций. Кто в городе занимается такой магией? Не официальной — той что связана с... перемещением сознания.

Луций смотрел на меня.

— Это запрещено, — сказал он.

— Знаю. И всё равно.

— Есть люди, — произнёс он осторожно. — В портовом квартале. Неофициально. Это не то чем занимаются публично.

— Отведи меня туда. Не сейчас — вечером.

Луций кивнул — без возражений. За эти сутки он научился принимать то что я прошу как данность.

Мы пошли дальше.

— Луций, — сказала я через квартал.

— Да.

— Три адвоката взявших дело Марка нашли мёртвыми.

— Да.

— Я беру это дело.

Он остановился.

— Валерия—

— Я знаю. Слушай. — Я повернулась к нему. — Те трое погибли потому что нашли что-то. Что-то что связывает Марка с Марцием — не через вину Марка, через манипуляцию Марция. Если я найду то же — у меня будет доказательство. Настоящее.

— У вас могут найти то же что у них, — сказал Луций. — В смысле — то же что с ними случилось.

— Поэтому я говорю тебе сейчас. Если со мной что-то случится — всё что мы нашли в архиве, всё что скажет завтра Фабия — ты несёшь напрямую к Даксу. Не к кому-то ещё. Только к нему.

— Почему именно к нему?

— Потому что он честный. — Я смотрела на Луция. — Это редкость. Ею надо пользоваться.

Луций молчал.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Только не умирайте.

— Постараюсь.

— Это не обещание.

— Нет. — Я пошла дальше. — Но это намерение.

Вечером портовый квартал оказался именно таким каким я ожидала: узкие переулки, запах рыбы и смолы, люди которые не смотрят тебе в глаза. Луций вёл меня уверенно — он знал этот квартал.

Мы остановились у низкой двери в стене. Луций постучал — особым образом, три удара и два.

Открыл старик. Посмотрел на Луция, потом на меня.

— Маг-адвокат, — сказал Луций. — Ей нужна информация. Не услуга — информация.

Старик смотрел на меня долго.

— Входите, — сказал он.

Внутри пахло травами и чем-то резким, химическим. Полки с сосудами, связки сушёных растений, в углу — очаг с котлом.

— Замещение, — сказал я без предисловий. — Кто в городе умеет это делать?

Старик сел на табурет. Смотрел на меня.

— Интересный вопрос, — произнёс он. — Особенно от человека который сам является результатом замещения.

Я не удивилась — только взяла на заметку что это видно.

— Тем более я хочу знать кто это сделал.

— Дважды, — сказал старик.

— Да. Дважды.

— Это дорогостоящая работа. — Он смотрел мимо меня, в какую-то точку. — Таких людей в городе немного. Раньше было больше. — Пауза. — Коллегия магов преследует подобное. Публично запрещено. Но есть те кто делает это для тех у кого достаточно золота.

— Имена.

— Одно имя дам бесплатно, — сказал старик. — Если в этом городе кто-то и способен на такое — то это он. Сам ли он это делает или чужими руками — не знаю наверняка, но нить начинается с него. — Он помолчал. — Тибериус Нокс. Маг третьего ранга, официально занимается лечебными практиками. Неофициально — берётся за работу которую другие не берут.

— Где его найти?

— У него есть дом у северных ворот. Но вы его не найдёте там. — Старик посмотрел на меня. — Найдёте его в суде на третий день.

— На слушании по моему делу.

— Да. Марций вызвал его как свидетеля.

Я стояла и думала.

Марций вызвал мага который выполнил замещение — как свидетеля. Чтобы тот подтвердил что Валерия которая выиграла дело три года назад — не та Валерия которая подавала иск. Разрушить прецедент изнутри, через личность.

Но если Нокс сделал это по заказу — это значит что у него есть заказчик. И если заказчик — Марций, то сам Нокс является доказательством его причастности. К обоим случаям замещения — три года назад и сейчас.

Свидетель который должен топить меня может стать свидетелем который топит Марция.

— Спасибо, — сказала я старику.

— Не благодарите. Просто прижмите Нокса как следует. — Старик смотрел на свои руки. — Он задолжал многим.

Мы вышли.

На улице Луций шёл рядом и молчал — я чувствовала что он хочет спросить, но не спрашивает.

— Луций.

— Да.

— Послезавтра на слушании будет их свидетель. Маг по имени Тибериус Нокс. Он должен доказать что я — замещение, и через это разрушить прецедент. — Я шла и думала одновременно. — Но если он свидетель обвинения, я имею право задавать ему вопросы. И если я задам правильные вопросы — он станет свидетелем защиты. Против Марция.

— Это рискованно.

— Всё рискованно.

— Нет, я имею в виду — он может просто отказаться отвечать.

— Не сможет. Магическая клятва свидетеля. Он не может лгать, только умолчать. Но я умею задавать вопросы так чтобы умолчание само по себе было ответом.

Луций шёл рядом.

— Вы такой адвокат, — произнёс он, — которых в этом городе нет.

— Я знаю. Это либо преимущество, либо проблема.

— Зависит от того на чьей стороне сила.

— Пока — на их, — сказала я. — Это временно.

Ночь опускалась на город. Фонари зажигали по одному — масляные, тёплые, они делали улицы другими. Не безопаснее, но уютнее. Странное сочетание.

Юлия Малинина, адвокат. День второй.

Паттерн найден. Союзница есть. Свидетель обвинения который станет свидетелем защиты — известен. До слушания — двое суток.

В другой ситуации я бы сказала что дело движется.

Здесь скажу то же самое.

Конец третьей главы

Глава 4. Марк

Дом Фабии утром выглядел иначе, чем вечером — без теней, без траурной тишины, просто большой дом богатого квартала, в котором пахло свежим хлебом с кухни и мокрым камнем от вчерашнего дождя.

Марк ждал в маленькой комнате рядом с садом. Не в приёмной — в комнате, куда не заводят гостей. Значит, Фабия не хотела, чтобы слуги видели, кого она прячет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.